

АФГАНСКИЙ СИНДРОМ, или «Не стреляйте в музыкантов»

Александр Александрович Мурашов,
профессор, доктор филологических наук

Маршрутка. Грохочет радио, поёживаются пассажиры. И — всё короче, всё увереннее: «Не стреляйте в музыкантов! Будет всё ништяк!». Когда много лет назад на «Радио России» вышла в эфир передача «В нашу гавань заходили корабли», она казалась проблеском запрещённой смелости на фоне привычной официальной и банальностей. «Песни нашего двора» с упоением исполняли под гитару доктора наук, а те, кто на этих песнях вырос, объясняли детям, как много значили они в то время, когда даже и представить нельзя было, что услышишь их по радио.

- «афганское братство» • боевики • музыкальная «культура» в жизни общества

Теперь во всех маршрутках звучит «блатняк», пугая своей нахрапистостью одних и заставляя чуть ли не плевать других. Но и те, и другие едва ли понимают, что музыка эта страшнее мины замедленного действия — она разлагает страну, приучая к нормам, в цивилизованном обществе не принятым. И разрушает всё созданное. И калечит всё — Россия тому пример. Так что же случилось, почему бандитская «культура», в том числе музыкальная, для общества — страшнее атомной бомбы?..

«Афганцы»

...Когда он служил в Афганистане, откуда ему, рядовому солдату, было знать, что там из него и его сослуживцев, чудом уцелевших в очередной

перестрелке, готовят ударную силу девяностых, бритоголовых бандоганов, способных любой беспредел оправдать одним: «Да мы, блин, в Афгане!..»? А «афганское братство» превратить в заурядную уголовную «малину», небритые физиономии из которой, лишённые романтического ореола и теперь исторгающие в электричках хриплые звуки уголовных романсов с неизменными «братками», КамАЗами и душманами, окажутся этакой боксёрской грушей для оксфордских и иных мальчиков, у которых руки не для грязной работы? Тем более — не для революций, для которых были предназначены «афганцы»...

...Когда он с благословения того же «братства» открывал фирму по торговле чёрной икрой, ему не пришло в голову,

что он, бывший танцор, пробуя себя, в соответствии с веяниями времени, в амплуа охранника, нужен только на роль прошедшей Афган ударной силы. Что с ним после исполнения роли бандита по-бандитски и рассчитаются: фирму обанкротят, а развалины передадут другому — более сговорчивому и менее заикленному на Махмуде Эсамбаеве и разных там Мариусах Лиепах...

И когда он понял, что его использовали и выкинули на свалку, встать с которой просто не дадут, начал пить, чтобы ничего не видеть вокруг, ничего не слышать. Ушёл из семьи. Перестал общаться с детьми. Распродал всё, что ещё оставалось в доме родителей от зажиточных времён, когда торопились покупать разные фарфоровые сервизы и хрустальные бокалы: чем безнадежней был дефицит, тем больше покупали, чтобы урвать от жизни хоть осколок счастья... Находил работу грузчика, таксиста или автослесаря (брали без вопросов: всё-таки свой, прошёл Афган!) — и через две недели снова уходил в чёрный запой, от которого не избавляли ни вшитые ампулы, ни экстрасенсы, ни врачи-наркологи.

Умерла мать. На поминках бил себя в грудь, рыдая безумно, как от афганских песен: «Это я виноват. Она ушла только из-за меня». Ещё над могилой, когда комья земли стучали по крышке гроба, отвернувшись, с лихорадочно блестящими глазами схватил за руку двоюродного брата и потянул в березнячок за кладбищем: «Давай мы с тобой сделаем фирму с нуля!.. Или мне хоть... Или я не знаю, что делать». Тот, и без того сутулый, отвёл глаза и ещё сильнее втянул голову в плечи, потому что и сам не знал, что делать.

Постарел отец. Постучал как-то к нему (жили уже врозь: тот не мог видеть пьяного сына, валяющегося в бессознательном бреду сутками напролет), когда почувствовал себя совсем — хуже не бывает. Отец не пустил на порог: «Видеть тебя не хочу. Себя опозорил — не позорь меня!» Когда

понял, что идти больше некуда, лёг возле двери отца. Прямо в подъезде. И через час или несколько часов — никто не знает: не обращали внимания, — прямо там умер. «Наконец-то!» — сказал тогда отец, не удержавшись. Он, отец, стал абсолютно седым. И — всё равно: «Наконец-то!» Сестра, к которой ходил в последнее время, после того как продаст собранные на улице бутылки, выкинутые «земляками», которые раскатывали на тогда ещё непривычных иномарках, — тоже ничего сказать не могла. Жалела брата. И теперь жалела бы ещё сильнее, если бы он даже пил по-прежнему и собирал на новый пузырь бутылки, чтобы потом этот пузырь осушить и в беспомощности улечься где придётся, не раздеваясь и не глядя вокруг.

«Афганцы», воевавшие с ним рядом, в основном остались в пустынях, в горах, в ущельях, в сгоревших «КамАЗах» и сбитых вертолётах. А те, что вернулись и продолжили службу, теперь в рядах мелкоуголовной шпаны, сгнули в разборках девяностых или, как и он сам, расчищали дорогу более образованным и «успешным», для которых мотив заморского саксофона был намного привлекательнее отстойного брэнчания еле слышной отцовской гитары, когда-то привезённой с Усть-Илима или из Тайшета... Простые рядовые, они действительно не знали, что им суждено стать героями девяностых, отможенными бандюками, делающими самую черную работу, — по расчистке пути. Потом те, кто помчится по этому пути в «Мерседесах» и «Тойотах», не услышат плаксивого рёва бывших «героев» в электричках, не увидят их, стыдливо крадущихся в сумерках к мусорному баку, увидев, как кто-то кинул туда стеклянную бутылку, которую можно сдать...

«Афганское братство»

Им, «афганцам», не сказали, что их «братство», которое считали своим

и новые власти, и уголовники, которое звали воспитывать, строить, зарабатывать, — станет кузницей бандитских кадров, существующих до ближайшей «стрелки». Их не предупредили, что «братство» это окажется в итоге позорным клеймом для оставшихся — тех, кто, растопырив пальцы и хлюпя носом, примется горланить с бодуна: «А вот мы в Афгане!..», но не поймёт, что его сделали обычным уголовником, от которого с отвращением и ужасом отворачиваются все вокруг. И он давно не герой с БТРа, не побрякивающий боевыми наградами гость на «уроке мужества», а алкаш с помойки — не более...

Понимая, что «афганское братство» всё больше напоминает уголовный притон, где прежде, канувшие в невозвратность вместе с пластмассовыми аксельбантами и аккордами «Эль-бимбо» в самолёте, на котором недостреленные «шурави» возвращались на родину, байки о чести и геройстве ставятся в прямую зависимость от того, принесут ли деньги эта честь и это геройство, наш герой и начал отстаивать высоту за высотой. Сначала рухнула фирма: он понял, что не просто так, а рухнула, чтобы кто-то (не он: самая чёрная работа сделана!) её поднял и пошли те самые «откаты», которых настойчиво ждали от чересчур принципиального для новых времён предшественника.

И стал пить. А когда ещё один «афганец» — заместитель губернатора, тоже бывшего «афганца», но генерала, — о чём-то говорил с братом, тот возьми да ляпни, что, мол, родственник сражался с душманами.

— Но фамилия у него не та, что у вас? — с надеждой поинтересовался заместитель.

— Та же. Наши родители — родные братья.

— Не может быть! — почти задохнулся заместитель генерала. — Не может у вас быть такого брата! Вы порядочный человек.

А дело в том, что времена примитивного рэкета и бритых затылков, еле торчащих из огромной шеи, прошли. И бывшие сослуживцы губернатора — «афганского» генерала —

стали общаться теперь с народом цивилизованно: «А для вас вход в мой кабинет стоит сто тысяч долларов». Не тонн, а тысяч. И не баксов, а долларов. А главное — в кабинет, а не на хазу или в какую-нибудь румнату. Вот она, цивилизация!

«Да мы в Афгане!..» — звучит уже не как оправдание любого беспредела, а как надрывная жалоба обманутых и выброшенных на обочину людей, которым дали возможность пострелять, поддержать пальцы веером, возомнить себя хозяевами страны и вершителями судеб, чей беспредел оправдан тем же «Да мы в Афгане!..», а потом — просто спиться...

...У нашего «афганца» отобрали фирму не потому, что он плохой. А потому, что никто ему ничего всерьёз и не предлагал. Действительно, а что он умеет? Танцевать? Об этом он забыл, когда его приучили к «калашу» и сообщили, что для мужика этого довольно. Но не продолжили: танцевать будут те, кому он этим автоматом расчистит дорогу. А теперь и стрелять тоже будут другие: новым хозяевам нужны новые бойцы. Чтобы этим хозяевам послужить, ему, неучу, дали возможность создать фирму, обзавестись визитками. А чтобы рулить, не нужен ни автомат, ни «танец рыцарей», ни сам он. К тому же тот, кого научили уничтожать, не сможет создавать. Вот этим и займутся другие.

Тот же специфически понимаемый «афганский синдром» привёл губернатора центральной области, тоже героя-«афганца», к мысли о том, что он теперь полный хозяин. И началась распродажа всего, что ещё не распродали: заповедные леса, берега озёр и водохранилищ застроили коттеджами, трассы обставили постерами о продаже. Всего. И сразу. Выпал «ледяной дождь» — область сидела со свечками две недели, лишённая

электричества. А это миллионы человек. Признались: теперь всё отброшено на несколько веков назад. Вор? Бездельник, когда-то в погонах?

Когда эти вопросы горячо обсуждались в Интернете, мелькнуло, среди пожеланий губернатору застрелиться или отправиться на нары: «Да мы, афганцы, за него кому угодно грызло порвём!» И автор обещания получил совет уняться. Не генерала люди ненавидят, а губернатора, который превратил область в зону криминально-чиновничьего беспредела и этакий заповедник, где ни работы, ни жилья, ни нормальных дорог. Дорог нет — исключая разве трассы, где губернатор сам ездит в кортеже с мигалками, блокируя всякое движение. Вместо работы — давно остывшие пустыющие заводы с заколоченными ржавыми железными листами окнами. А из жилья, помимо элитных корпусов, растущих на распроданной неведомо кем неведомо чьей земле, — мрачного вида хрущёвки, обойдённые цивилизацией и окружённые свалками. Все, у кого остались силы, начали своё дело в городе, в столице. Все, кто остался в области, либо пьют, либо ездят в город, пытаясь утром не сойти с ума в многочасовой пробке на давно построенных дорогах или втиснуться в заплёванный и прокуранный тамбур электрички: дальше хода нет. Сами эти электрички, кажется, ползут на последнем издыхании, доживая свой железный век, начавшийся в другом государстве. «Да мы, афганцы!..» В области, где девяностые не кончились, это стало горькой насмешкой.

Мавр может уйти

...А сестра нашего героя клянёт себя: «Не уберегла я брата! Всё чумовые деньги! Как он их увидел, никто ему не нужен. Он стал совсем другим. А когда денег не осталось (мелкий он был для таких денег!), он и жить не мог. Вот и пил, чтобы не жить». И клянёт, и пытается себя оправ-

дать, и хочет что-то и понять, и объяснить одновременно. «Он научился считать деньги, да как!» — Но если ты стал бульдозеристом, тебя никогда не позовут в артисты. «Не выучился он, вот этим и кончилось!» Но объяснение — проще: мавр сделал своё дело, мавр может уйти... Там, в Афганистане, готовили боевиков будущей революции, которые потом матюгами и хрипло-испытанным паролем: «Да мы в Афгане!..» взломают любую дверь и поменяют любую власть. Тех, кто сможет разрушить, но ничего не сможет создать и получить: это отводилось другим. Тех, которых будут встречать, как героев, а провожать, как бандитов. Их будут ждать, а потом, поняв, что больше они ни на что не способны, как и планировалось, — от них просто устанут. И оставят на пыльной обочине, выкинув вместе с осточертевшими бутафорскими автоматами. Или, наскучив их художествами в бутафорских кабинетах, постоянным недоумением и нежеланием что-то делать, им дадут понять: в новом саду, взошедшем на унавоженной ими почве, другие садовники, для которых автомат или лампасы — такой же пережиток, как для самих «афганцев» — Эсамбаев и Лиёпа, как строчка Маяковского, когда-то считавшаяся такой древней и потерявшей актуальность: «Которые тут временные? Слазь! Кончилось ваше время!».

Судьбы у всех разные. Но солдат, не стань он после «афгана» миллионером, а потом умирающим в подъезде алкашом, мог бы оставить память о себе в искусстве, если бы его не заставили навести автомат на эту поруганную память, если бы этот автомат не стал теперь основным, да и единственным рабочим инструментом. Он, бывший солдат, должен был ещё и скакать от восторга: я, блин, мужик! А танцуют пусть другие! Он был уверен, что теперь его оценят...

Виноват — Афганистан? Нет.

Вспоминается, как в парикмахерскую пришёл художник с арт-шевелюрой. Смущённо попросил: «Постригите меня под порядочного. Под бандита. Надоело патлы носить: мальчишки на улице пристают: художник, нарисуй портрет!». Сам того не зная, он дал ответ на вопрос о том, кто же всё-таки виноват. Когда человек считает, что «порядочный химик в двадцать раз полезней поэта», он просто перегибает палку: полезны оба. Но когда видит, что надо или казаться, или быть бандитом, чтобы жить по-человечески, — ни у него, ни у страны, где это произошло, будущего просто нет. Уголовная жизнь — это беспрестанная война: всех против всех, каждого против каждого. И бывшие танцоры, строители, офицеры, слесари, оказавшиеся в водовороте уголовного счастья и беспредела, могут теперь только уничтожать, чтобы не утонуть. Это и было нужно устроителям «бандитского рая»! Потому, проехав по нынешней России, многие крестятся, махнут рукой и почти крикнут:

— Где она, Россия? Нет её! Профукали!
Как после гражданской войны...

Чтобы уничтожить страну, надо наслатъ на её жителей — всех сразу, а это не так-то просто — мор или массовый психоз, когда каждый боялся бы каждого, когда друзья стали бы врагами, а те, кто всё ещё считает себя друзьями, готовы один другого убить из-за пачки денег. Уничтожить издержки цивилизации. И мора не понадобилось изобретать, и массовый психоз насылатъ. Где она, Россия? Нет её. Профукали...

Поклонники «шансона» и примитивного блатняка не понимают, что это — страшнее атомной бомбы, страшнее массового психоза и чумы. Это не музыкальный стиль, это — призыв к войне всех против всех, внушающий, что «будет всё ништяк», если сделать шаг, разделяющий человека и его давно забытого животного предка. Шаг, к которому так звали «афганцев», бывших «бульдозеристов», и получили «боевиков», ставших обузой, стоило им расчистить путь «артистам» из криминальных сообществ. Шаг, к которому призывают СМИ всех мастей и когда-то тихо звучавший, когда-то полулегальный шансон, утверждающий принципы и законы тюремных нар как единственно правильные, единственно «наши», и вообще «ништяк». Шаг, который так нужен тем, кто нас превращает в толпу, напрягающую остаток сознания, чтобы качать нефть для хозяев и расстреливающую как раз музыкантов — всех, кто не тянется к пистолету и не качает нефть...

А как всё начиналось! «В нашу гавань заходили корабли», и будущие миллионеры и алкаши в едином порыве приникали к радиоприёмникам, шикая на тех, кто помешал слушать, прямо по-горьковски: «Дурак! Всю песню испортил!» И невдомёк было, что песни те пострашнее мора и десятков атомных бомб. Как трудно было и то понять, что люди, дружно падающие в пропасть, ни на что другое уже не способны. **НО**